

Волнение

Се И вспомнил их первую встречу. Когда Сюй Чунь подошёл к нему, он сразу понял, что тот его с кем-то спутал. Видя, что юноша, несмотря на свой возраст, уже погряз в разврате, посещает плавучие дома и содержит мужчин-куртизанов, он с презрением бросил ему слово «грязно». Тогда реакция Сюй Чуня показалась ему чрезмерной, но теперь он понял, что невольно задел его старую, так и не зажившую рану.

Пятилетний ребёнок запомнил эти слова так отчётливо. Значит, они врезались ему в память, и все эти годы он снова и снова прокручивал их в голове.

— Она говорила о твоём отце, — мягко произнёс Се И, взяв Сюй Чуня за руку. — Твоя матушка — разумная женщина, она знает, что ты ни в чём не виноват.

— Я был тогда мал и не умел сдерживаться, — тихо ответил Сюй Чунь. — Я выбежал, опрокинув ширму. Лицо матушки побледнело. Я с громким плачем убежал. Когда бабушка спросила, что случилось, я сказал, что просто болят руки. Уже тогда я понимал, что не быть любимым родной матерью — это плохо.

— Ты был ребёнком, — вздохнул Се И, — не вини себя.

Веки Сюй Чуня, и без того тонкие, слегка припухли.

— После этого я словно с цепи сорвался. В школе я стал безобразничать: забивал учителю в кальян птичий помёт, сбегал с уроков. Он пытался меня наказывать, но я убегал. В конце концов, он перестал обращать на меня внимание. Лишь бы я не шумел, а он делал вид, что меня нет. Я перестал ходить в школу, а он и не жаловался. Так я и бросил учёбу.

— Матушка очень жалела о случившемся, пыталась со мной поговорить. Но я был мал и глуп, и верил словам бабушки, что семья Шэн жаждет власти и во всём ищет выгоду. Я не обращал на матушку внимания. Но, глядя на отца, я понимал, что он действительно негодяй, и не винил её за отвращение.

— Каждый раз, когда я видел его распутные выходки, я вспоминал слова матери о псе, жрущем дерьмо. Однажды в саду, во время приёма, на глазах у гостей, он снова обнимал певичку, и та кормила его вином с рук. Я не выдержал и сказал, что он как муха, летящая на всё грязное и вонючее. Отец пришёл в ярость, посчитав, что я его опозорил, и жестоко избил меня. Тогда я высказал ему всё: что он живёт за счёт жены, что он распутник и ничтожество, а не мужчина. После этого матушка проплакала надо мной всю ночь.

— Когда я сильно заболел, она сказала, что если со мной что-то случится, она тоже не станет

жить. Она поняла, что я, хоть и мал, всё понимаю, и говорила со мной как со взрослым. Она призналась, что действительно не любит отца, что вышла за него по необходимости, но слишком понадеялась на себя.

— Она думала, что раз он красив и слаб характером, то она сможет его контролировать и перевоспитать. Но не учла, что пса не отучишь жрать дерьмо. Это была её ошибка, но не моя. Она просила простить её. Сказала, что может развестись с отцом и, если я захочу, уйти вместе со мной.

— Резиденция князя Цзин никогда бы не отпустила законного наследника, — покачал головой Се И. — И развестись бы ей не позволили. Её бы просто изгнали, обвинив в ревности, и погубили бы тебя вместе с ней. Градоначальник столицы встал бы на сторону отца. Развод — дело непростое. В резиденции тут же женили бы отца на другой, та родила бы законного сына, и твоё положение стало бы ещё хуже. А изгнанная жена, вернувшись в родной дом, даже под защитой отца и братьев, жила бы несладко. Всегда нашлись бы желающие завладеть её состоянием.

— Да. Когда я немного поправился, дед, узнав о нашем разладе, прислал дядю в столицу. Под предлогом, что мне нужно поправить здоровье, меня увезли в Область Минь. Дед сам занимался моим воспитанием вместе с тремя двоюродными братьями. Он объяснил мне трудности матери, возил меня в море, в храм Тяньхоу, учил вести счета и торговать.

— С тех пор каждую зиму дед присылал за мной, чтобы я провёл у них пару месяцев. Говорил, что в столице слишком холодно для моего слабого здоровья, а в Области Минь тепло, и это пойдёт мне на пользу.

— Вот оно что, — кивнул Се И. — Неудивительно, что ты так близок с двоюродным братом и в столь юном возрасте так хорошо разбираешься в делах. Твой дед — человек большой мудрости. То, что ты учился у него, — большая удача.

Сюй Чунь кивнул, и слёзы его понемногу высохли.

— На самом деле, я никогда не был близок со старшим братом. То, что его передали в другую ветвь, наверное, и для матушки облегчение. Меньше хлопот, и при разделе имущества в будущем будет проще. Я просто не мог смириться с несправедливостью. Матушка столько сделала... а я один оказался мелочным. Наверное, и я ей не важен... да и кому я вообще нравлюсь...

— Все эти годы я тайно учился торговле, чтобы доказать ей, что я не глуп, что я не такой, как отец... Учиться я, наверное, и правда неспособен, да и не вижу в этих книгах никакого толка. А что до Южного ветра... я просто хотел попробовать. Я не люблю женщин, и не хотел бы губить жизнь какой-нибудь хорошей девушке. Зачем создавать ещё одну несчастную пару, чтобы ребёнок страдал так же, как я.

— Но у меня и друзей-то настоящих нет. Большинство молодых людей в столице так же

проводят время в развлечениях... Матушка ко мне снисходительна. Может, она разочаровалась во мне, а может, считает, что главное — жить в мире, ведь титул мне и так достанется. Я... я не знаю, как мне быть. Ведь как ни крути, я его сын, во мне течёт его кровь. Я уже такой взрослый, а всё ещё переживаю, любит меня матушка или нет. Сам себе кажусь таким слабым...

Видя, что он всё ещё подавлен, Се И, подумав, сказал:

— Знаешь... если ты спросишь меня, как заслужить любовь матери, я не смогу тебе ответить. Потому что моя мать меня тоже не любит.

Сюй Чунь поднял на него глаза, на ресницах ещё блестели слёзы.

— Я тоже раньше думал, что строгость матери — это проявление заботы, — усмехнулся Се И. — Но потом я заметил, что моего двоюродного брата она балует. Я решил, что это потому, что мне предстоит унаследовать дело, и ко мне требования выше.

— Разве не так? — спросил Сюй Чунь.

— Нет. Позже я узнал, что этот мой «двоюродный брат» — на самом деле её сын от моего дяди. Поэтому она его и обожала, и хотела передать ему всё. Моя мать и мой покойный отец тоже ненавидели друг друга.

— Девятый братец... — потрясённо выдохнул Сюй Чунь.

— Ничего страшного. Мой дядя умер молодым, и тогда мать стала строить козни. Я был молод и нетерпелив, и просто избавился от этого её сына, — спокойно сказал Се И.

Обвинение в измене, непроверяемые доказательства. Чтобы скрыть позор матери, я не стал трогать остальных, просто приказал казнить его. Это и так было милостью.

— ... — Сюй Чунь не знал, что сказать. Девятый братец говорил об убийстве с таким ледяным спокойствием, но ему почему-то было его невыразимо жаль. Он сжал руку Се И.

— Девятый братец! Это не твоя вина! Так вот почему та змея...

— Да. Мать ненавидит меня уже много лет и хочет убить, чтобы я присоединился к её любимому сыночку. К моему дяде у неё, видимо, были настоящие чувства.

Сюй Чунь забыл о своей печали, его глаза были прикованы к Се И.

— Что же теперь делать? Ты должен быть осторожен!

— Всё в порядке. Вернувшись, я отправил её в родовой храм на покаяние.

Сюй Чунь с облегчением выдохнул. Он знал, что в знатных семьях так и поступают: провинившихся женщин отправляют в уединённый храм, не вынося сор из избы. Значит, девятый братец из очень знатной семьи. Он не стал допытываться, кто он, а лишь искренне сказал:

— И правильно. Мы ведь уже взрослые. Если мать не любит, что ж поделать. Я вот недавно читал в «Исторических записках», что даже у императоров бывают матери, которые отдают предпочтение другим детям. Взять хотя бы историю о князе Чжэне, одолевшем Дуаня в Янь... тоже ведь жаль его...

Слушая, как этот юноша, только что убивавшийся от горя, теперь с важным видом пытается утешить его, Се И невольно растрогался. В этом и была его прелесть: он был отходчив, и как бы ни было ему больно, он в одиночку зализывал раны и даже находил в себе силы помочь другому.

Он не удержался и погладил Сюй Чуня по голове.

— Итак, твоя мать, во-первых, искренне заботится о твоём титуле. Во-вторых, даёт тебе деньги. В-третьих, зная о твоих наклонностях, не пытается тебя сломать. По-моему, этого достаточно. Ты её единственный сын. Может, в её жизни ты и не самое главное, но среди её родных именно ты унаследуешь всё, что у неё есть. Не стоит так убиваться.

— Я знаю, — смущённо пробормотал Сюй Чунь. — Я живу в своё удовольствие, трачу деньги, как хочу, матушка мне всё позволяет, даже в моих тайных делах помогает через управляющих. А я всё недоволен. Такой неблагодарный.

— Быть недовольным — это нормально. Ты любишь её, поэтому хочешь всей её любви, без остатка. Когда я убил того своего брата, я, наверное, тоже этого хотел. Но, убив его, я понял, как это было смешно.

— Но когда я узнал, что он — сын моей матери, мне было уже шестнадцать, и всё равно казалось, что небо рухнуло. Хотя я знал, что родители не ладят, я никогда не думал, что для матери я — лишь помеха, от которой нужно поскорее избавиться. Власть опьяняет.

— Так что, то, что ты в пять лет так переживал, — это совершенно нормально.

— Но тебе сейчас уже восемнадцать, — Се И замолчал. Он понял, что даже повзрослев, невозможно сотворить себе любящую мать. Можно лишь принять правду жизни: всем правит выгода.

Но он не хотел говорить об этом Сюй Чуню. Было что-то очень ценное в его наивности.

— Ну что ж, — улыбнулся он, — мы обо всём поговорили. Не пора ли поужинать? Ты ведь должен мне ужин...

— Я сейчас распоряжусь! — подскочил Сюй Чунь.

Не обуваясь, он выбежал из комнаты и, перегнувшись через перила, закричал:

— Шестая нянюшка! Нянюшка, накрывай на стол! Мы с девятым братцем будем ужинать!

Из кухни донёлся далёкий ответный крик.

Сюй Чунь повернулся к нему и улыбнулся. Кошка-лев, невесть когда спрыгнувшая со стеллажа, неслышно подошла к нему и потёрлась о его лодыжку. Белоснежная шерсть коснулась босой ноги, и Сюй Чунь, вздрогнув от щекотки, поджал пальцы.

Лёгкий весенний ветерок играл в его волосах. Се И смотрел, как юноша в развевающемся халате, оперевшись на перила, улыбается ему в лучах заходящего солнца. Его кожа казалась полупрозрачной, как нефрит, а в уголках глаз плясали смешинки.

«Не упускай погожих дней весны», — со вздохом подумал он.

<http://bllate.org/book/16990/1588348>